

ГЛАВА II.

О СУБЪЕКТИВНОМ В ИСТОРИИ И О ЧЕЛОВЕКЕ КАК СУБЪЕКТЕ ИСТОРИИ.

Предыдущую главу мы заключили положением: «марксистская психология изучает человека как субъекта истории». Спрашивается, что представляет собой тот «человек», которого мы называем субъектом истории и что такое субъективное в истории. Раскрытию содержания этих понятий мы и посвятим настоящую главу.

1. В современной психологии мы имеем две попытки неправильного истолкования субъективистами, с одной стороны, и объективистами-механистами, с другой стороны, 2-го тезиса Маркса о Фейербахе, тезиса, гласящего: «главный недостаток материализма—до Фейербаха включительно—состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме чувственной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно».

Эмпирик субъективист Г. И. Челпанов, ссылаясь на этот тезис, утверждает, что «Маркс признавал изучение самосознания субъективной стороны жизни центральной проблемой истории». Другими словами Челпанов заменяет практическую деятельность самосознанием, идеалистически отождествляет первую со вторым, сводит субъективное в истории к субъективным переживаниям, отчего получается идеалистический субъективизм, изучающий только субъективные переживания человека, т. е. человека только как переживающего индивида.

А с другой стороны, некоторые психологи-«марксисты» механистически-материалистического толка (Окунь и Залмансон) утверждают, основываясь на этом же тезисе, что Маркс понимает под субъективным в истории только практическую деятельность. Они механистически-материалистически отождествляют субъективное в истории с практической деятельностью, сводят субъективное в истории только к практической деятельности, отчего получается механистический объективизм, изучающий только поведение, действие человека, т. е. человека только как деятеля.

Верны ли эти два толкования? Нет и нет. Анализируя интересую-

щий нас тезис Маркса, Плеханов заявляет, что Маркс, говоря о главном недостатке материализма до Фейербаха включительно и внося гениальную поправку о том, что «наше Я познает объект, лишь воздействуя на него со своей стороны», имеет в виду созерцательный, пассивный материализм, который утверждает, что «человек, прежде чем думать о предмете, испытывает на себе его действие, созерцает его, чувствует его», и который «рассматривает как истинно человеческую деятельность только деятельность теоретическую»¹.

Таким образом значение гениальной поправки Маркса заключается в преодолении недостатка созерцательного материализма, ведущего к идеалистическому отождествлению человеческой деятельности только с теоретической деятельностью, с самосознанием,—преодолении, достигаемом указанием на то, что и мысль и ощущение вырабатываются у человека только как отражение, как следствие практической деятельности. Маркс, следовательно, различает субъективные отражения в голове как следствие, и человеческую практическую деятельность как причину.

Ту же мысль Плеханов проводит и в другом месте. Его (Маркса.—Ю. Ф.) «экономический» материализм является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как в силу ее развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории². Самосознание развивается в силу, т. е. вследствие конкретной деятельности человека. Самосознание есть следствие нашей практической деятельности, а последняя представляет собой причину нашего самосознания. Вот почему Энгельс и утверждает, что все, что человек ни делает, отражается в его голове в форме ощущений.

Отсюда, во-первых, следует, что нельзя идеалистически отождествлять человеческие действия, практику, эту причину, с субъективными переживаниями, представляющими собой только отражение, следствие практики. Отсюда, во-вторых, вытекает, что нельзя механистически отрицать особую от практической деятельности общественную категорию—самосознание, что нельзя механистически отождествлять субъективные переживания, это следствие, с практической деятельностью, этой причиной самосознания. Отсюда, в-третьих, вытекает, что интерпретации идеалистов и механистов извращают мысль Маркса, не соответствуют исторической действительности, не исходят из анализа того, с кем, против кого Маркс спорит, кого, с какой стороны он критикует.

Каким же образом субъективист и механист могли сделать такие два совершенно неверных диаметрально-противоположных, исключающих друг друга «вывода» из одного и того же тезиса? Да ларчик просто открывается. Вооруженный каждый своими очками, идеалистическими первый и механистически-материалистическими второй, каждый из этих антиподов может быть, помимо своей воли, видел, выхватывал, акцен-

¹ Т. XVIII, стр. 190—191.

² Т. VII, стр. 228.

тировал не всю истину, не все сказанное Марксом, а только половину марксовой истины.

Челпанов не видит словечка «лишь», он не видит такие «незначимые» слова, как «чувственная человеческая деятельность, практика», и, подчеркнув в первой половине тезиса только слово «объект», а во второй половине только слово «субъективно», он получил свою извращающую мысль тезиса Маркса формулу: «материализм рассматривал мир в форме объекта, а не субъективно», а отсюда и челпановский вывод: «надо рассматривать мир не в форме объекта, а субъективно».

Объективист не видит слова «лишь», не видит никаких субъективных отражений в человеческой голове и, подчеркнув в марксовом тезисе не те слова, которые подчеркнул Челпанов, т. е. не слова «объект» и «субъективно», а другие, а именно: в первой половине тезиса слово «созерцание» и во второй половине слова «чувственной человеческой деятельности», «практики», он получает формулу: «Материализм рассматривал мир в форме созерцания, а не в форме человеческой чувственной деятельности, не в форме практики», и делает отсюда вывод, что «надо рассматривать мир не в форме созерцания, а в форме чувственной человеческой деятельности, в форме практики».

Чтобы получить истинный смысл марксова тезиса, надо подчеркнуть в нем не те слова, которые были подчеркнуты субъективистом и механистом-материалистом, а совсем другие слова, а именно: в первой половине слово «лишь», а во второй слово «не». Материалисты до Маркса смотрели на объективный мир только лишь как созерцатели. Они считали, что у них были субъективные переживания лишь в форме пассивных восприятий от объекта. А это фактически не верно и ведет к идеалистическому отождествлению субъективного в истории с теоретической деятельностью, с самосознанием. Мы не пассивные созерцатели, мы воспринимаем мир, но воспринимаем его лишь в процессе своего активного воздействия на него, мы познаем мир, но познаем его лишь в процессе нашей практики.

Вот та гениальная, по выражению Плеханова, поправка, которую Маркс внес в материализм. Не отрицая субъективного восприятия, Маркс только доказывает, что восприятия мы получаем лишь в процессе своей человеческой практической деятельности, но деятельности, отражающейся в нашей голове.

Недаром Маркс говорит о чувственной деятельности, т. е. о деятельности, связанной с чувством, восприятием, т. е. субъективными переживаниями. Ведь самое понятие «субъективно» связано с субъективными восприятиями своих действий в отношении к объективному миру.

Недаром Маркс заявил, что «идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное»¹. Ведь в этой формуле различаются, как два связанных меж собой явления, вне головы находящееся материальное и внутри имеющееся идеальное. По Марксу, в голове происходит не только простой перевод, простое отражение, простое отображение, но и переработка. Переработка чего? Тех

ощущений и восприятий, которые мы получаем в качестве простого перевода. Когда? Только в процессе своей активной трудовой практической деятельности. Ведь только так можно и нужно понять тезис Маркса. Диалектический материализм не отождествляет идеалистически и практическую человеческую деятельность, т. е. вонне протекающее поведение человека, с субъективными их отражениями внутри человека, в голове, в мозгу, но он также не отождествляет механистически внутренние субъективные переживания с конкретной практической деятельностью, с действием, с поведением. Марксизм признает не тождество, но единство внешних действий и субъективного отражения или, как Плеханов выражается, единство «поведения и мыслей», при приоритете первого момента, т. е. деятельности, как основы, базы, причины и пр. вторичности субъективного отражения, как производного, как следствия.

Субъективное в истории не сводится к одному только вторичному, производному следствию, т. е. самосознанию, внутренним субъективным переживаниям, как это утверждает субъективист Челпанов, но оно не сводится также и к одной только основе, базе, причине—практической человеческой деятельности, как это утверждают механисты. Субъективное в истории охватывает два неравноценных, неравнозначных, качественно-различных момента: конкретную практическую деятельность, действия, поведение людей, как основу, базис, первичное, причину, и внутренние субъективные переживания как их следствие, отражение, производное, вторичное. Субъективное в истории имеет две стороны: 1) объективную, т. е. практическую деятельность, действия, поведение, и 2) субъективную в узком смысле слова, т. е. внутренние субъективные переживания. Понятие «субъективное в истории» имеет два смысла: широкий и узкий. Понятие «субъективное в истории» в широком смысле этого слова охватывает и практическую деятельность и внутренние переживания, а понятие «субъективное в истории» в узком смысле этого слова охватывает только субъективные переживания. Только учитывая эти два понятия «субъективное в истории», мы избавимся как от идеалистического отождествления субъективного в истории с переживаниями, т. е. фактически практики с ее отражением, так и от механико-материалистического отождествления субъективного в истории с практикой, т. е. фактически субъективного отражения с практикой.

2. Из сказанного о субъективном в истории вскрывается и содержание понятия «субъект истории», представляющего собой по существу то же понятие, но взятое не в отношении к деятельности и субъективным переживаниям человека, а в отношении к человеку как таковому. «Человек как субъект истории» представляет собой единство многообразия. Он является, во-первых, практическим деятелем и, во-вторых, переживающим индивидом. Человек—субъект истории значит, что человек есть активный практический деятель, творец, переживающий свои действия. Как практический деятель человек действует вонне, в окружающем его объективном мире, а как переживающий индивид он имеет внутри себя внутренние субъективные отражения.

¹ Послесловие ко 2-му изд. «Капитала».

Таким образом понятие «субъект истории» так же, как и понятие «субъективное в истории» имеет два смысла: широкий и узкий. «Человек—субъект истории» в широком смысле этого слова означает, что человек есть переживающий деятель, «человек—субъект» в узком смысле этого слова означает, что человек есть переживающий индивид.

Спрашивается, как должна психология подойти к человеку—субъекту истории.

Субъективист-психолог изучает только субъективные переживания человека, т. е. человека только как переживающего индивида. Механист-психолог изучает только поведение, действия человека, т. е. человека, только как деятеля. Ясно, что оба они не охватывают полностью человека, как субъекта истории. Они подходят к нему метафизически-односторонне. Первый изучает человека только в его производном качестве переживающего индивида, в его вторичных, субъективных переживаниях. Второй изучает человека только в его основном качестве—практического деятеля, в его основных проявлениях—действиях, поведении. Первый изучает человека только как переживающего индивида, упуская из виду, что человек является переживающим индивидом лишь как творец истории, как активный практический деятель. Второй изучает человека только как практического деятеля, упуская из виду, что человек выполняет свою функцию деятеля, творца только как переживающий свои действия индивид. Односторонне-метафизический подход субъективиста и механиста неравноценны, ибо первый изучает в человеке—субъекте истории—его вторичное качество, а второй—его основное качество, однако они оба извращают марксистское диалектико-материалистическое понятие «человек—субъект истории».

Подход к человеку со стороны марксистской психологии не может быть таким метафизическим, односторонним.

Марксистская психология видит в человеке—субъекте истории—единство многообразия, т. е. деятеля, переживающего свои действия, и считает, что он должен быть познан во всей его реальной конкретности, многообразии и своеобразии. Марксистская психология ставит своей задачей познать человека и как деятеля и как переживающего индивида, т. е. и в его поведении, действиях и в его субъективных переживаниях, как двух сторонах единого процесса.

3. Далее субъективисты-психологи и объективисты-поведенцы большей частью изучают первые психику вообще, а вторые поведение вообще. Но поведение и психика вообще это историческая абстракция. Нет поведения и психики вообще. Конкретно исторически есть поведение и субъективные переживания в определенных областях жизнедеятельности: производственной, социально-экономической, общественно-политической и т. д. и т. п. Другими словами, реально есть поведение, действия и психика различного содержания, разной общественной ценности и важности, с разными общественными причинами и по-разному протекающие. Поведение и психика человека—это единство многообразных конкретных видов поведения, действий и субъ-

ективных переживаний из различных областей жизнедеятельности человека, как субъекта истории, как переживающего деятеля с разнообразной жизнедеятельностью.

Конкретное поведение и психика в конкретных разнообразных областях жизнедеятельности, само собой разумеется, не исключает наличия общих черт в поведении и психике. Поэтому можно и должно установить и общие законы поведения и психики. Но их можно, нужно и должно установить только на фоне конкретного поведения и психики в различных, многообразных областях жизнедеятельности человека, как переживающего деятеля.

Поэтому объектом марксистской психологии является человек-субъект истории, как единый цельный переживающий деятель в его едином поведении и психике, во всем единстве многообразия его разнообразной конкретной жизнедеятельности и субъективных отражений.

Так обстоит дело с понятием «субъект истории», со второй половиной формулы «человек—субъект истории».

4. Теперь перейдем к расшифровке, к конкретизации первой половины этой формулы, т. е. понятия «человек». Субъективная эмпирическая психология, как и большинство объективистов, бихевиористов изучают человека вообще. Но такого человека вообще нет. Человек вообще—это метафизическая абстракция, историческая нереальность.

И действительно, кто является субъектом истории? Таковым субъектом является прежде всего не отдельный человек, а человеческое общество. Поэтому объектом марксистской психологии является общество, марксистская психология есть психология социальная. Она изучает поведение и психику общества, как коллективного субъекта истории.

Но и общество также представляет собой историческую абстракцию. Конкретно исторически мы имеем человеческое общество на различных ступенях исторического развития.

Человеческое общество на каждой ступени своего развития имеет качественно своеобразное материальное бытие, следовательно и качественно своеобразное поведение и субъективное отражение его в психике, в субъективных переживаниях.

Исключается ли этим наличие общих черт в поведении и психике человеческого общества на всем протяжении истории? Нет, но эти общие черты поведения и психики, во-первых, незначительны, во-вторых, не характеризуют поведения и психики человеческого общества каждой данной исторической эпохи, находятся в снятом виде, снимаются высшими, специфическими чертами поведения и психики, единственно характеризующими человеческое общество данной эпохи, и, в-третьих, лучше, вернее устанавливаются только на фоне качественно-своеобразных поведений и психики человеческих обществ конкретных исторических эпох.

Поэтому объектом марксистской психологии являются конкретно-исторические человеческие общества определенных эпох в их конкретном качественно-своеобразном поведении и психике.

5. Но и этого мало. Понятие «человеческое общество данной эпохи»

тоже представляет собой историческую абстракцию в отношении определенных исторических периодов, а именно периодов классового общества. К психике полностью применима мысль Плеханова о том, что «всякая данная идеология выражает собой стремления и настроения данного общества или, если мы имеем дело с обществом, разделенным на классы, данного общественного класса»¹.

В далекие прошлые века, в первобытном обществе, еще не разделенном на классы, мы имели, как говорит Плеханов, сплошной быт, следовательно, одинаковые общие, сплошные поведение и психику, одно поведение и одну психику, характерные для всего данного общества. По мере распада человеческого общества на классы, по мере перехода его в классовое общество, на всем дальнейшем протяжении веков вплоть до нашего времени классовая борьба накладывала свой отпечаток на поведение и психику, окрашивала их в классовый цвет. Разные классы имеют разное бытие и, следовательно, разное поведение и разную психику.

Господствующие классы не принимают непосредственного участия в трудовой деятельности, поэтому у них нет, в отличие от производительных классов, соответствующей части поведения и непосредственного восприятия от самого процесса труда. Но классовые различия в психике господствующих классов и трудящихся наличествуют не только тогда, когда первые уже перестали принимать участие в производстве, но и тогда, когда они еще принимают в нем то или другое участие. «Даже тогда, когда высший класс принимает в качестве руководителя участие в производительном процессе,—пишет Плеханов о феодальном обществе,—каждый из этих двух классов (феодалов и крестьян.—Ю. Ф.) смотрел на вещи со своей собственной точки зрения, особенности которой обуславливались его положением в обществе. Борьба классов окрашивала собою психологию борющихся сторон»². И в этом нет ничего удивительного, ибо господствующие классы, даже принимая то или иное участие в производстве, занимают особое, противоположное от эксплуатируемых классов, положение в этом процессе производства, и, следовательно, у обоих классов имеется разное поведение в этой области и получается разное психическое отражение.

В результате поведение и психика различных классов данного общества настолько различны, что даже формально общие элементы поведения, даже одно и то же психическое переживание имеют по существу разное содержание и разный характер у разных классов. Так, когда Зомбарт, исходя из индивидуализма господствующей буржуазии, заявляет, что и в пролетарской среде «распространяется свойственный нашему времени сильный индивидуализм», то Плеханов, соглашаясь с ним, вносит, однако, принципиальной важности корректив о том, что «характер индивидуализма изменяется в зависимости от того, в какой среде он

пускает корни», и что «пролетарский индивидуализм совсем не похож на буржуазный, что «первый состоит в чувстве самостоятельности, а второй—в чувстве себялюбия, эгоизма»¹.

Вот почему поведение и психика социальные в смысле принадлежности их всему данному обществу—есть абстракция, если ее применять для всех времен и эпох.

Они были реальным фактом для первобытного общества, они будут реальны в будущем бесклассовом коммунистическом обществе, но в классовом обществе есть только классовое поведение и психика, поведение и психика определенных классов, групп, сословий, прослоек. Только имея в виду бесклассовое общество, мы можем говорить о поведении общества и о психике как отражении социального бытия. Когда же мы имеем дело с классовым обществом, то такое определение уже неверно, недостаточно точно охватывает, формулирует соотношение в реальной действительности. Здесь поведение является классовым, а психика уже не отражением общественного бытия вообще, а отражением определенного классового бытия.

Конечно в поведении и психике разных классов данного общества есть и «общие» моменты. Но это «общее» в поведении и психике разных классов данного общества, во-первых, очень незначительно, во-вторых, нехарактерно, находится в снятом виде снимается специфическими особенностями классового поведения и психики, в-третьих, если уже устанавливать эти совершенно незначительные «общечеловеческие» черты поведения и психики разных классов, то это правильнее и точнее возможно только на фоне конкретного исторического поведения и психики классов.

Таким образом конкретным объектом изучения марксистской психологии в качестве субъекта истории являются в современном нам классовом обществе конкретные исторические классы в конкретном качественно своеобразном классовом поведении и психике.

6. Исходя из этих взглядов, марксистская психология отвергает те направления в психологии, в частности ветвь эмпирической психологии, так называемую общую психологию, которые изучают человека вообще. Однако в психологии есть и другие ветви, так называемая социальная психология, изучающая общественную психологию. Но и эти ветви не удовлетворяют марксистов. Марксисты-психологи отвергают, во-первых, то направление эмпирической социальной психологии, которое, подобно Тарду, изучало массы как «толпу», противостоящую в качестве низшего образования культурной личности в качестве высшего образования.

В противовес этой установке марксистская психология, во-первых, заявляет, что «массы», «толпы», вообще нет, что есть «масса», «толпа» как коллективы классового порядка, определенной страны и эпохи, и что надо, следовательно, изучать не «массы», не «толпу», а клас-

¹ Т. XIV, стр. 183.

² Т. XVIII, стр. 224.

¹ Т. XVI, стр. 206—207.

совые коллективы как основные общественные образования. Марксистская психология, во-вторых, утверждает, что классовый коллектив представляет собой образование не низшего порядка в отношении культурной личности, а высшего порядка. Коллектив выше индивида, ибо он, коллектив, является собственно творцом истории, а отдельные личности, даже вожди, являются, как мы увидим ниже, только функционерами класса, играющими большую роль, но все же роль только функционеров класса. Следовательно, поведение и психика коллектива важнее поведения и психики индивида. Коллектив выше индивида, ибо он, коллектив, представляет собой качественно высшее образование. Так, Плеханов считает решительно противоречащим всем известным фактам истории и психологии мнение о том, что община убивает энергию в человеке. «Напротив,—соглашается Плеханов с Чернышевским,—в союзе укрепляется ум и воля человека»¹. В коллективе поведение и психика индивида меняется, повышаясь в темпе, силе, интенсивности. В коллективе поведение и психика индивида приобретают новые качества. Одним качеством обладают действия и переживания индивида, когда он один, и совсем другими высшими, повышенными качествами обладают они, когда он в коллективе. Но это означает также и другую повышенную возбудимость и всего коллектива. Поведение и психика коллектива—это не простая сумма поведения и психики отдельных индивидов, а нечто большее, качественно другое, качественно высшее новообразование.

Марксистская психология не соглашается также и с тем направлением социальной психологии, которое считало основным своим объектом народы, нации как образования внеклассовые, надклассовые. Таких надклассовых, внеклассовых образований в классовом обществе нет и быть не может. Народы, нации суть образование историческое, главным образом эпохи классового общества. Даже у сохранившихся по наше время самых отсталых племен мы имеем отсутствие равенства, фактическое классовое расслоение, пусть в форме бедных и богатых. Поэтому основными типичными чертами являются не черты общенациональные, а дифференциальные классовые. Не удовлетворяет марксистскую психологию также и попытка Бехтерева создать коллективную рефлексологию, ибо она, не говоря уже о ее физиологичности, не проникнута классовым подходом и рассматривает классовое поведение и психику не как основную, а как один из многих видов коллективного поведения и психики.

Марксистская психология отвергает, наконец, и то направление в социальной психологии, которое изучает классовую психологию, но с точки зрения психики господствующего буржуазного класса. В противоположность этой установке марксистская психология утверждает, что нельзя подходить к психологии угнетенных классов с меркой от психологии господствующих классов, во-первых, потому, что, занимая различные, противоположные положения в обществе, эти классы имеют различные противоположные поведения и

психические отражения, во-вторых, потому, что даже тогда, когда мы имеем дело как будто с «общими» чертами, то эта общность только формальная, не по существу, ибо поведение и психика различных классов данного общества настолько различны, что даже формально общие черты, даже одно и то же психическое переживание имеет по существу разное содержание и разный характер у разных классов, в-третьих, потому, что психология различных классов не только различна по своему содержанию, но и играет различную роль и является общественно неравноценной, поскольку разные классы играют различную роль в общественной жизни. «Действие низшего класса,—говорит Плеханов,—тем более соответствует общему благу, чем более растет его классовое сознание. О высших классах этого сказать нельзя. Чем лучше сознают они свой классовый интерес, тем больше их действия противоречат интересам целого, тем эгоистичнее они становятся»¹. Следовательно, психика эксплуатируемых рабочих прогрессивна, психика же буржуазии, обреченной на гибель, реакционна. Эту мысль о различной общественной ценности, положительной у эксплуатируемых революционных классов и отрицательной у господствующих консервативных классов, одних и тех же психических переживаний Плеханов вскрыл на целом ряде примеров, как мы это увидим ниже.

Изучение поведения и психики классов является не только единственно правильным, но и актуальным требованием пролетариата. Историческая работа по строительству социализма, проводящаяся пролетариатом СССР в союзе с крестьянством (бедняцко-средняцкими массами) и в борьбе с контрреволюционной кулацко-нэпманской буржуазией, а также борьба международного пролетариата с международной буржуазией за власть, за революцию, за свержение капитализма, определяются условиями материальными, но они будут облегчены знанием поведения и психики классов.

Плеханов еще в свое время призывал к изучению классовой психологии. «Хорошо было бы,—пишет он,—если бы, вдохновившись примером В. Зомбарта, другие исследователи занялись психологией других общественных классов, в ее связи с экономическим положением этих классов»². Призыв Плеханова изучать классовую психологию ждет еще своего осуществления со стороны марксистской психологии. Эта задача должна быть выполнена и будет выполнена.

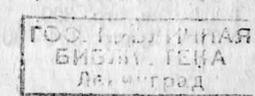
7. Когда мы говорим о поведении и психике общества в целом (в отношении бесклассового общества) или отдельных классов (в отношении классового общества), то мы имеем дело с поведением и психикой целой группы—коллектива.

Спрашивается, является ли объектом марксистской психологии только коллектив или также и отдельный индивид в его индивидуальных, личных особенностях поведения и психики? Ответ на этот

¹ Т. XVIII, стр. 27.

² Т. XVI, стр. 203—204.

³ Ю. Франкфурт. Плеханов и методология психологии

95-2206/13

вопрос зависит от того, включается ли человек с его индивидуальными, личными особенностями в понятие «человек», когда мы говорим «человек—субъект истории».

Субъектом истории является общество с его классами, но и отдельная личность с ее индивидуальными особенностями также играет роль в истории. Роль и значение отдельной личности состоит, во-первых, в том, что личность в своем поведении и психике является представителем своего класса. Переведя одну из мыслей Гегеля на язык материализма, Плеханов утверждает, что «психология действующих лиц потому и приобретает в наших глазах огромную важность, что она есть психология целых общественных классов, или по крайней мере слоев»¹.

«Вот это-то общее,—пишет Плеханов,—и составляет силу даже великого гениального человека»².

Являясь представителем, вождем и руководителем класса, индивид не теряет, однако, а сохраняет свою индивидуальность. «Выражая этот великий шаг, он, поэт (но это относится ко всем людям.—Ю. Ф.), не перестает быть индивидуумом»³.

Мало того, только благодаря своим индивидуальным особенностям, отдельная личность становится великим человеком. «Великий человек велик тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени»⁴.

Таким образом отдельная личность, благодаря своим индивидуальным особенностям, выполняет первую свою роль в истории, а именно—представителя и руководителя класса, функционера общественных классовых заданий.

Роль и значение отдельной личности в истории состоит, во-вторых, в том, что ее индивидуальные особенности, как таковые, кладут индивидуальный отпечаток на общественные действия, на действия класса. Отдельная личность, даже великий человек «не может,—по мнению Плеханова,—остановить или изменить естественный ход вещей». Великий человек является великим благодаря тому, что он лучше представляет себе и выполняет общественные классовые задания, а «не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям». Однако отсюда не следует, что чисто личные черты поведения и психики не имеют никакого значения. «Такой вывод,—говорит Плеханов,—не имеет никакого смысла в применении к современному материалистическому взгляду на историю, в котором есть место и для единичного». Личность с ее индивидуальными особенностями накладывает на события индивидуальный отпечаток, играющий не решающую, но весьма важную, хотя и второстепенную роль. «История имела бы другую физиономию, если

¹ Т. X, стр. 190.

² Там же, стр. 299.

³ Там же, стр. 300.

⁴ Т. VIII, стр. 304—305.

бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка»¹.

Вот почему Плеханов борется с двумя крайностями. С одной стороны, он критикует теории тех историков XIX в., которые игнорировали совершенно личные индивидуальные черты, и утверждает, что «как результат исчезновения индивидуального в общем явился бы фатализм»². Но, с другой стороны, он выступает против переоценки роли личности. Плеханов находит, что беда, недостаток «эмпирической» критики состоит не в том, что она изучает имеющие скромную, ограниченную роль, значение и интерес—индивидуальные штрихи, а в том, что она превращает личные штрихи в общие, личные особенности психики в общие³, и таким образом преувеличивает роль и значение частных, личных психических черт.

Таким образом марксизм, с одной стороны, приписывает большую, хотя и второстепенную, роль поведению и психике отдельной личности, а с другой стороны, различает в поведении и психике индивида две качественно различные части, играющие две качественно различные роли, а именно: черты общие, классовые и черты чисто индивидуальные.

8. Всплывают два связанных друг с другом вопроса: 1) каково происхождение этих двух качественно различных частей поведения и психики индивида и 2) что же понимать под поведением и психикой коллектива (общества, класса), с одной стороны, и индивида, личности—с другой.

Первый вопрос станет ясным, если мы учтем, что, с точки зрения Плеханова, историческое движение человечества определяется: 1) общей причиной, т. е. развитием производительных сил, например, производительных сил капиталистического общества, 2) действующим рядом с этой общей причиной особыми причинами, т. е. той исторической обстановкой, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана той же общей причиной, например особенностями капитализма в Англии, и, наконец, 3) действием причин единичных, т. е. целого ряда «случайностей», случайных обстоятельств⁴.

Общие и особенные причины действуют на поведение и психику всех членов данного класса, данной страны, данной эпохи, а случайные обстоятельства действуют только на поведение и психику тех или других отдельных индивидов. Если бы мы имели действия только общих и особенных причин, то поведение и психика всех членов классов, данной эпохи и данной страны были бы одинаковы. Но поскольку кроме одинаковых для всех членов класса общих и особенных причин, мы имеем действия случайных причин, по-разному действующих на

¹ Т. VIII, стр. 304—305.

² Т. VIII, стр. 303.

³ Т. X, стр. 300.

⁴ Т. VIII, стр. 304.

отдельных индивидов, постольку в поведении и психике каждого индивида есть и черты общие с поведением и психикой других сочленов того же класса, и черты чисто личные.

Этим сложным составом поведения и психики каждого индивида, являющимся результатом действия сложного комплекса общественных причин, объясняется, почему индивид может быть представителем класса. Поскольку общие и особенные причины, воздействующие на поведение и психику индивида, являются определяющими для положения класса, постольку индивид, обладающий обусловленной ими, основной для характеристики класса, частью поведения и психики, может быть представителем класса.

Этим же сложным комплексом объясняется, почему разные индивиды в разной степени представляют класс и почему выделяют вожди и руководители класса. Поскольку общие и особенные причины преломляются через случайные обстоятельства бытия индивида, различные для разных индивидов и, следовательно, по-разному воздействуют на разных индивидов, разные индивиды в разной степени представляют класс, и постольку некоторые личности выделяются в силу наиболее благоприятных случайных обстоятельств их бытия, определяющих наилучшее выражение в их поведении и психике общих и особенных причин, в качестве вождей, руководителей класса.

Наконец, этим сложным комплексом объясняется, почему две качественно различные части поведения и психики индивида играют качественно-различную роль. Поскольку чисто индивидуальные черты поведения и психики обусловлены случайными обстоятельствами, а общие, классовые черты—определяющими исторический процесс общими и особенными причинами, постольку общие классовые черты поведения и психики важнее чисто индивидуальных черт поведения и психики.

Вышеданным анализом разрешается также и вопрос о том, что понимать под поведением и психикой коллектива и что понимать под поведением и психикой индивида. Критикуя Бергсона, Плеханов заявляет, что сверхиндивидуальное «сознание есть миф»¹. Помимо поведения и психики отдельных членов данного коллектива нет поведения и психики коллектива. Реально есть только поведение и психика индивида.

Но если нет группового, коллективного поведения и психики вне отдельных индивидов, то надо ли понимать под поведением и психикой коллектива (обществ, класса) все поведение и всю психику всех членов коллектива? Нет, это было бы неверно. «Для материалиста,—утверждает Плеханов,—в данном случае речь может идти только о преобладающем настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени»².

Как понять это преобладание? Идет ли речь только о пре-

¹ Т. XVII, стр. 138.

² Т. VIII, стр. 250—251.

обладающем числе членов, только о количественном преобладании? Нет, речь идет также и о характерности, о специфичности. И действительно. На той ступени развития рабочего класса, когда он стал уже классом для себя, поведение и психика тех рабочих, которые видят в работодателях своего благодетеля, т. е. стоят еще на ступени класса в себе, не входят уже в характерные для рабочего класса на его новой ступени поведение и психику.

Чисто количественная сторона, чисто количественное преобладание важно лишь в пределах этой качественной характеристики. Исторический процесс развития класса из состояния класса в себе в состояние класса для себя есть процесс, в течение коего и происходит рост количества в пределах качества.

Мало того, характерным для класса может быть поведение и психика не его большинства, а его меньшинства. «Гениальный общественный деятель,—пишет Плеханов,—может оставаться в меньшинстве до самой смерти, но это не мешает ему быть представителем общего, представителем и указателем предстоящих перемен в общественном устройстве»¹. Ту же мысль формулировал Ленин в своем «Против течения».

Далее в отношении тех лиц, коих поведение и психика характерны для класса, речь идет о преобладании не в том смысле, что у всех их имеется одинаковое поведение и психика, что невозможно, ибо каждый из них имеет свои личные индивидуальные особенности, а в том смысле, что у них имеется общая для всех их часть поведения и психики, обусловленная общими и особыми причинами, определяющими положение класса.

Таким образом поведение и психика класса—это общая часть поведения и психики его членов, обусловленная общими и особыми причинами. Поведение и психика индивида—это единство всех присущих ему общеклассовых и чисто индивидуальных черт.

Определяя таким образом поведение и психику коллектива (общества, класса) и индивида, мы различаем их по носителю и объему. Но этого мало. Есть еще один момент, очень важный для взаимоотношения между поведением и психикой коллектива и индивида, а именно: поведение и психика коллектива представляет собой качественно более высокое образование, чем поведение и психика индивида, как мы это видели выше.

Из сказанного ясно, что объектом марксистской психологии в качестве субъекта истории является не только коллектив (класс, общество), но и индивид, ибо отдельная личность с ее индивидуальными особенностями играет в истории хотя и не основную, а второстепенную, но очень важную роль. Вот почему мы считаем абсолютно неприемлемым утверждение главы русских эмпириков Челпанова о том, что «марксистской может быть только социальная психология, изучающая психику общества», и что эмпирическая психология, изучающая индивидуальную психику, марксистской быть не мо-

¹ Т. X, стр. 299.

жет. Это утверждение, имеющее целью спасти субъективную эмпирическую психологию, сохранить ее в неприкосновенности, уберечь ее от влияния марксизма, представляет собой извращение взглядов марксизма. Поведение и психика индивида столь же насковзь социальны, как и поведение и психика коллектива (общества, класса, группы, слоя). Нет несоциального поведения и психики. Всякое поведение и психика социальны, и, следовательно, психология, изучающая индивида, должна быть марксистской в той же степени, как и психология, изучающая коллектив, общество, класс. Во избежание недоразумений целесообразнее, точнее пользоваться не терминами «индивидуальное» и «социальное» поведение и психика, а терминами поведение и психика индивида, поведение и психика коллектива.

Считая необходимым, как говорит Плеханов, изучать подробно личный характер¹ и отвечая положительно на вопрос о необходимости изучать поведение и психику индивида, марксистская психология отгораживается однако от целого ряда направлений, изучавших личность индивида. Марксистская психология отвергает изучение индивида вне его среды, как это присуще субъективной, эмпирической психологии, как и некоторым объективистам. Человек—существо конкретно историческое, конкретно классовое. Мы каждый раз имеем дело с человеком данного времени, данной страны и данного общественного класса², говорит Плеханов. Надо, следовательно, изучать конкретного человека, как члена определенного класса, определенной страны и определенного исторического периода. Марксистская психология отвергает также и те направления психологии, которые изучают только индивида в его индивидуальной характеристике, потому что видят в нем определяющую общественную силу. Поскольку личность с ее индивидуальными чисто личными чертами накладывает только второстепенный отпечаток на исторические события, поскольку сила ее не в ее личных, а в ее общеклассовых чертах, поскольку основную роль в поведении и психике людей играют общеклассовые черты, постольку ясно, что поведение и психика индивида не могут и не должны быть основным объектом изучения, что основным объектом должны быть поведение и психика класса. Мало того, если основная часть поведения и психики индивида—это его общеклассовые черты, то индивид может быть познан только на фоне классовой психологии. Только исходя из классовой психологии, мы сумеем понять психику индивида в ее основной общеклассовой части. Психология должна прежде всего и раньше всего изучать психологию классовую и лишь на втором месте—индивидуальную,—вот установка марксизма в противовес индивидуалистической установке, вот то место, которое марксизм отводит той ветви психологии, которая изучает индивида, вот та оценка, которую марксизм дает тем направлениям психологии, которые изучают индивида, как такового.

9. Наконец вопрос о взрослом и ребенке. Субъектом истории, активным деятелем, человек не становится сразу, с момента рожде-

¹ Т. X, стр. 300.

² Т. VIII, стр. 250—251.

ния. Каково же отношение марксистской психологии к ребенку? Изучает ли она только взрослого человека или также и ребенка? А если да, то как это увязать с определением ее объекта как субъекта, активного деятеля, творца истории?

Первое время после рождения ребенок, действительно, живет исключительно биологической жизнью. Однако не надо забывать того, указанного Плехановым обстоятельства, что «социальная среда овладевает человеком с самого его рождения»¹. Биологическая жизнь с момента рождения протекает в конкретной социально-классовой среде, определяющей протекание биологической жизни ребенка, проявления и выработку рефлекторных механизмов, связанных с удовлетворением его биологических потребностей, и образование его мозга, представляющего собой, как соглашается Плеханов с Гольбахом, «лишь пригодный для восприятия всех впечатлений мягкий воск»².

Но этого мало. Ребенок скоро, с того момента, как он начинает ходить и говорить, втягивается в окружающую его жизнь. Он еще не активный творец социального бытия, но он уже вступил в тот период детства, когда он перенимает, воспринимает окружающую его среду. Правда, в этот период детства ребенок только лишь готовится к своей будущей активно-общественной деятельности и является в этом смысле общественно-пассивным существом. Но к этой пассивности надо подходить диалектически. Ребенок в этот период еще не активно-общественное существо, еще не субъект истории, а пассивно воспринимающее существо, но для него эта подготовка к будущей общественной деятельности, это перенимание и воспринимание окружающей общественной жизни протекает как активный творческий процесс, как активная жизнедеятельность.

Наконец, и это самое главное, детство не ограничивается подготовкой к будущей активно-общественной деятельности. С течением времени ребенок начинает, по мере своих растущих сил и возможностей, втягиваться все больше и больше в активную общественную жизнь, выполнять доступные ему, но все более расширяющиеся общественно-полезные, общественно-активные, общественно-творческие функции, превращаясь уже в периоде детства, постепенно, во все растущем объеме, в субъекта истории, в его активного творца и строителя. Этот процесс диалектического превращения ребенка в субъекта истории протекает по-разному в различные исторические эпохи, в каждой эпохе различно у разных классов, но это не меняет существа дела, юбщей характеристики детства, как периода диалектического перехода от чисто биологического существования, через общественно-пассивную подготовку, к состоянию субъекта истории. Мысль эта постепенно проникает в науку. Так ее признал В. М. Бехтерев в его статье «Диалектический материализм и рефлексология»³.

¹ Т. VIII, стр. 71.

² Там же.

³ Под знаменем марксизма, 1927 г.

Поэтому марксистская психология, ставящая своей целью изучение человека как субъекта истории, имеет объектом своего изучения не только взрослых, но и детей.

Среди педологов очень распространена мысль о том, что педология есть наука, или область науки, совершенно самостоятельная, отдельная от психологии, рефлексологии, марксистской психологии. Такое отделение педологии от марксистской психологии принципиально неверно, не приемлемо и является выражением сознательного или бессознательного биологизма, биологического уклона в педологии.

Марксистская психология, изучая человека как субъекта истории, охватывает и не может не охватить, должна охватить и взрослого и ребенка, распадаясь на две широко разветвленные ветви: 1) о ребенке и 2) о взрослом.

Такая постановка вопроса не уничтожает, не принижает, не ограничивает ни ту ветвь, которая изучает ребенка, ни ту ветвь, которая изучает взрослого. Наоборот, она дает самые положительные результаты, связав их в единую цельную науку о субъекте истории, в процессе его развития, во всей его полноте.

Итак, объектом марксистской психологии является: основной коллективный субъект истории (общество, класс, слой, прослойка) и второстепенный субъект истории—индивид, личность, взрослые и дети, взятые в их единстве, т. е. и как деятели, действующие вовне, и как переживающие существа, в единстве их поведения и психики в различных областях жизнедеятельности.

Сложность этого объекта марксистской психологии вызывает необходимость в целом ряде ветвей по различным плоскостям: 1) психология коллектива (общества, класса, слоя, прослойка)—психология индивида, 2) психология взрослых—психология детей (педология), 3) психология производственная, профессиональная, социально-экономическая, общественно-политическая, права, искусства и т. д., как ветвей единой науки.

Поскольку психология должна изучать не только индивида, но и коллектив, поскольку психология должна изучать не только переживания коллектива и индивида, но и их действия, поведение во всех их формах и видах, постольку встает вопрос об отношении психологии к другим наукам, в частности и в особенности к наукам социальным. Вопрос этот мы рассмотрим отдельно, ниже, в другой связи.
